

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

27 октября 1986 года

О поступивших в ЦК КПСС и в газету «Правда» письмах трудящихся по вопросам снабжения продовольственными и промышленными товарами

ГОРБАЧЕВ. Мне хотелось бы на этом внеочередном заседании Политбюро обменяться мнениями по ряду вопросов нашей экономической политики, а также внешнеполитическим шагам Советского Союза.

Прежде всего хочу обратить внимание, что **за последнее время в ЦК КПСС, в редакции газет, на радио и телевидение поступает большое число писем и жалоб граждан о серьезных недостатках, связанных с обеспечением населения продуктами питания и товарами народного потребления, а также с ценами на них.**

Членам Политбюро разослан обзор писем, поступивших в «Правду». Прежде всего это письма из семей со скромным достатком, от пенсионеров, из молодых семей. Их беспокоит рост цен на продукты питания. В письмах сообщается, что люди не всегда могут позволить себе то, что им требуется по их скромным желаниям. Особенно обострилась эта тема после расширения торговли копченостями, колбасами по кооперативным ценам, когда килограмм колбасы стоит 10-12 рублей. Эта форма торговли соседствует рядом с государственной торговлей, где нет мяса, колбас и других продуктов по обычным ценам. И люди ставят вопрос – почему они не могут купить то, что покупают лица, имеющие более высокую зарплату. Кроме того, рядом с кооперативной торговлей соседствуют талоны на мясо, масло, а иногда и на хлеб. Читатели задают вопрос: не продается ли теперь по кооперативным ценам государственная продукция и ради чего это сделано.

Другая группа вопросов касается перебоев в снабжении, в чем во многом виноваты местные партийные, советские, хозяйственные органы. Они все еще не проявляют необходимой оперативности, безответственно

относятся к удовлетворению повседневных запросов людей, что влечет за собой создание искусственного дефицита, очередей и т. д.

Вот что пишет, например, т. Ткач из Киева. «У нас прекрасная страна. Я никогда не променяю ее ни на какую другую. От всего сердца поддерживаю курс партии на перестройку, ускорение. И сейчас, когда мы вышли на дорогу гласности, правдивости, никак нельзя давать поводов для кривотолков. Что я имею в виду? Снизили, скажем, цену на школьную форму на несколько рублей, а сколько показного ликования вокруг этого. В то же время цены на колбасы возросли, видимо, в полтора-два раза, а комментариев – никаких. Это ли не повод для разных слухов?».

Рабочий из Томска пишет в «Правду»: «Живем мы в Томске много лет. С продуктами питания было неплохо – куры по 1 рублю 60 копеек, дешевая свинина. Теперь куры 2 рубля 60 копеек, а государственное мясо вообще исчезло. Есть только кооперативное. Цены на колбасу страшные – по 12 рублей. Получается, что за килограмм колбасы нужно трудиться полтора рабочих дня. Куда уж хуже!». Такие же письма идут из Ставропольского края, Тамбовской области, Латвии, Рязани, Тернополя, Кишинева, Тюмени, Комсомольска-на-Амуре, Горького.

Особенно острые письма поступают от низкооплачиваемых категорий трудящихся. «Я инвалид второй группы, пишет Апульцин А.А. из г. Риги. Пенсия составляет у меня 76 рублей. Как жить при современных ценах? Хотя бы облигации скорее погасили. Ведь все сроки истекли». Или вот письмо Леденцова Л.Ф. из Кировской области: «Прожили мы 70 лет при Советской власти. Построили социализм. Осуществляем Продовольственную программу, производим, по данным ЦСУ, в достатке хлеб, мясо, молоко и другие продукты. А в магазинах ничего в достатке нет. Почему? Как не разозлиться? Я злюсь от того, что в нашем районе ввели нормативную продажу хлеба по 600 граммов на человека в день. На каком основании ввели такую карточную систему? Безусловно, нужно бороться с лицами, занимающимися откормом скота хлебом. Но причем здесь честный труженик?».

Что же происходит? Давайте разберемся. На самом деле, производство мяса и молочных продуктов в стране выросло в целом на 6-7 процентов, а душевое потребление этих продуктов не изменилось. Как так получилось? Если говорить прямо, то ответ ясен. **Мы пошли на сокращение импорта мясных и молочных продуктов из-за рубежа. Сокращение это довольно солидное.** И вот почти вся прибавка продукции, полученной внутри страны, ушла на то, чтобы покрыть убыль в поставках по импорту. Значит, реальной прибавки, прибавки продуктов, получаемых каждым человеком, фактически не произошло. Это касается прежде всего мяса, молочных продуктов, растительного масла и некоторых других продуктов питания.

РЫЖКОВ. Сокращение импорта этих товаров составило примерно 30-40 процентов.

ГОРБАЧЕВ. Что же касается хлеба, макаронных изделий, круп, предметов первой необходимости, то все безобразия, о которых сообщается в письмах, связаны прежде всего с нерасторопностью партийных и хозяйственных органов на местах, с их безразличным отношением к нуждам людей. Так без всякой нужды создается социальная напряженность в обществе. **Люди не чувствуют ощутимых сдвигов от тех мер, которые принимает Центральный Комитет партии.** Ведь мука у нас есть, в том числе и ржаная. Поэтому при желании все, что необходимо для снабжения населения этими продуктами, можно и должно сделать.

РЫЖКОВ. Да, мука сейчас есть.

ЛИГАЧЕВ. Хотя ржаная мука длительное время была в дефиците.

ГОРБАЧЕВ. А возьмите овощи. В целом во многих местах положение с продажей овощей стало значительно лучше. Но сколько еще разгильдяев, которые не только не способствуют продаже овощей населению, но и допускают массовую гибель, порчу овощной продукции. Таким образом не удовлетворяется платежеспособный спрос населения, создаются ненужные диспропорции.

ЛИГАЧЕВ. Тут еще надо учитывать, что мы недополучили примерно 12 млрд. рублей, которые поступали раньше от продажи алкоголя. Теперь эти деньги пошли на покупку продуктов питания и товаров массового спроса.

ГОРБАЧЕВ. Ничего страшного, что мы расширяем кооперативную торговлю. Ее надо расширять и внедрять повсюду. Об этом говорит опыт Алтая, Краснодар, Ставрополя, Поволжья. Так что шарахаться здесь, идти на сокращение продажи мясной продукции в кооперативных магазинах не следует. Но все-таки, видимо, нужно разобраться с практикой, когда рядом в государственном магазине при отсутствии там мяса и другой мясной продукции разолачивается кооперативная торговля колбасами и копченостями по высоким ценам. И хотя мы это объясняем обычно тем, что кооперация арендовала часть помещений в государственных магазинах, такие объяснения мало что дают.

Может быть, нам следует пойти на открытие специальных торговых точек для пенсионеров, инвалидов, других групп малообеспеченного населения, оказать им какую-то помощь в приобретении более дешевой продукции. Но и здесь я бы особенно нажал на качество продуктов. Это же безобразие, когда в продаже нет молока, когда исчезают с прилавков яйца, творог, сметана. Тут надо самым серьезным образом спрашивать с местных руководителей, повышать их ответственность.

Хотя понятно, что главное сейчас – это огромное давление большого излишка денег, находящихся на руках у населения.

ЛИГАЧЕВ. Да, количество денег, находящихся у граждан, на сберегательных книжках возросло за последние годы в четыре раза, а запасы товаров в торговле уменьшились почти в десять раз».

ГОРБАЧЕВ. Путь тут один: надо нажать на Агропром, чтобы в будущем и в последующие годы сохранить ежегодный темп прироста мяса и молочной продукции примерно на 6-7 процентов. К этому делу надо подключить все рычаги, все возможности, включая и семейный подряд на селе.

Но и по ряду промышленных районов надо как следует разобраться, почему там мы сталкиваемся с вопиющими безобразиями в снабжении населения такими продуктами и товарами, которые имеются в достатке.

За последние годы все острее ощущается проблема положения низкооплачиваемых категорий населения. Мы идем к 70-летию Октября, надо как-то подтянуть, улучшить их снабжение, посмотреть, что мы можем сделать. Может быть, при всех трудностях пойти на изыскание определенных резервов и закупить по импорту некоторое количество мяса, масла и другой, совершенно необходимой продукции.

Я, конечно, хорошо понимаю, что **мы фактически покрываем прорехи прошлого, прорехи, связанные с многолетним безответственным отношением к развитию нашей экономики.** Как вы, наверное, знаете, в будущем году мы идем на определенное отрицательное сальдо во внешней торговле. И хотя это очень трудно, очень нежелательно, может быть, следует пойти на несколько больший дефицит в торговом балансе и все же подкупить мясо за рубежом. Здесь надо, видимо, принимать политические решения, исходить из того, что необходимо ослабить напряжение в обществе. Думаю, что было бы правильно поручить Совету Министров СССР разработать необходимые предложения в этом направлении.

РЫЖКОВ. Мы фактически нуждаемся в двух-трех видах продукции, но нуждаемся остро. Речь идет прежде всего о мясе, сливочном и растительном масле. С покупкой зерна мы в этом году кое-как вывернулись. Здесь сказались неплохие результаты урожая этого года, прежде всего связанные с внедрением интенсивных технологий.

ЛИГАЧЕВ. Но душевое потребление мяса выросло за это время всего с 60 до 62 кг. Хотя это, конечно, не так уж мало, памятуя о том, что мы имели после войны 18 кг мяса на душу населения.

ГОРБАЧЕВ. Нужно использовать все возможности, все резервы, имеющиеся внутри страны. Решительно пресекать те безобразия, которые наблюдаются на местах, беззаботное отношение к самым острым

потребностям людей. Давайте поручим Секретариату ЦК и Совету Министров СССР в 20-дневный срок внести свои предложения по этим вопросам.

И, второе, видимо, можно было бы записать в нашем решении о том, что Политбюро считает необходимым изыскание в этих целях дополнительных валютных средств для приобретения по импорту определенного количества мяса, молочной и некоторой другой остродефицитной продукции.

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Правильно.

ЛИГАЧЕВ. Резервы внутреннего характера у нас еще очень большие. Я поинтересовался статистикой. Посмотрите, как мы размахнулись в закупках металлопродукции, труб, проката вместо того, чтобы все это производить у нас в стране.

РЫЖКОВ. Это в какой-то степени верно. Мы сократили закупки металла в 1985 и 1986 годах, но на 1987 год в плане заложены примерно такие же цифры, как и на нынешний год. Как говорится, чуть недожали, и вот уже министерства и ведомства сохранили те же импортные закупки и по черным, и по цветным металлам.

ЛИГАЧЕВ. Надо взяться снова и снова за подсобные хозяйства предприятий и личные подсобные хозяйства. Я думаю, что будет правильно, если мы пошлем на места группы работников Центрального Комитета партии с тем, чтобы они разобрались, как здесь используются местные ресурсы пищевой продукции, как налажено хранение овощей, фруктов и других товаров.

ГРОМЫКО. Вообще гноится очень много овощей и фруктов.

ЛИГАЧЕВ. Что же здесь можно поделать? Еще год-другой из-за отсутствия хранилищ треть продукции будет гибнуть. Ведь полуразрушенный сарай или траншея – это не лучшее место для хранения овощей или картофеля. В декабре этого года мы намечаем рассмотреть на заседании Секретариата весь комплекс вопросов о хранении плодоовощной продукции и ее качества.

ГОРБАЧЕВ. Вообще надо было бы в решении Политбюро обратить внимание Центральным Комитетам компартий союзных республик, крайкомов

и обкомов партии на необходимость максимально полного использования всех местных возможностей и ресурсов для улучшения снабжения населения, особенно детей, инвалидов и ветеранов войны и труда. В целом партийные комитеты, советские, хозяйственные и общественные органы на местах должны всегда исходить из того, что по удовлетворению повседневных запросов людей, по вниманию к их жизни и быту трудящиеся во многом судят об общей политике партии и государства, о ходе перестройки всей экономической и духовной жизни общества.

ЛИГАЧЕВ. Я бы обратил также внимание на то, что еще далеко не всегда продовольственные ресурсы справедливо распределяются между соответствующими регионами страны, скажем, между Прибалтикой, Белоруссией, Украиной и Сибирью. Сибирь, Урал, Нечерноземье получают, как известно, гораздо меньше и мяса, и масла, и другой продовольственной продукции.

Это известный вопрос, но нужно учитывать, что уже в 1940 году Прибалтийские республики получали по 70 кг на душу населения. И хотя мы все время говорим о продуктах питания, но посмотрите, сколько в письмах с мест нареканий на то, что отсутствуют самые элементарные виды товаров массового спроса – трусы, носки, зубная паста.

ЧЕБРИКОВ. У нас есть данные о том, что зубную пасту покупают оптом, а потом паста намазывается на хлеб, смывается, поскольку хлеб всасывает находящийся в пасте спирт, и таким образом алкоголик удовлетворяет свою потребность в спиртном. Вот до чего дошли.

ГОРБАЧЕВ. Я хотел бы в порядке информации только для членов Политбюро рассказать о тех письмах, которые поступают в мой адрес лично. Письма эти очень разные. Но показательно, что люди не подлаживаются, как это было еще в недавнем прошлом, к «официальному мнению», а идут от самой жизни, от фактов окружающей действительности. В связи с этим следует отметить, что **при общем перевесе писем, свидетельствующих о непоколебимой вере трудящихся в конечный успех программы**

ускорения, есть еще немало писем, в которых звучит тревога за судьбу перестройки.

Делаются и такие, например, приписки: «Вероятно, не допустят моего письма до Михаила Сергеевича. Но убедительно прошу тех, кто будет его рассматривать, довести хоть как-то до его сведения основное содержание моих наблюдений. Пусть Михаил Сергеевич знает, что народ думает. Он-то далеко от нас, а среди тех, с кем он встречается, могут быть и неискренние люди». Я скажу прямо, что мы установили сейчас такую практику – Общий отдел докладывает мне практически все наиболее острые письма, независимо от того, приятны они или нет.

И вот, когда обращаешься к этим письмам, то нередко сталкиваешься с большим беспокойством за наши дела. В одном из таких писем говорится, например: «К великому сожалению, тот огромный подъем, которым был охвачен весь советский народ в ходе подготовки и проведения XXVII съезда КПСС, те надежды, которые все мы испытали, теперь начали давать откатную волну. Причина – в отсутствии видимых ярких результатов перестройки (за исключением, пожалуй, работы центральной прессы, радио и телевидения) Как обидно порой слышать ехидно произносимые слова “ускорение”, “коренной перелом”. И особенно обидно, что из-за просчетов партийных и хозяйственных руководителей среднего и низшего звена страдает Ваш авторитет и как следствие авторитет партии в целом.

Я нисколько не сомневаюсь, что у партии и у Вас лично хватит сил и упорства довести до конца начатое дело. Однако, если мы не сможем быстро вернуть тот моральный подъем, который царил среди населения страны всего несколько месяцев назад, то нам нечего серьезно рассчитывать на человеческий фактор. Полагаю, в этой ситуации наипервейшая задача состоит в решении кадрового вопроса, в его, так сказать, глобальном масштабе. Это, смею сказать, всенародное требование. Партия должна решительно избавляться от неудавшихся руководителей всех рангов. Если в верхних

эшеломах этот процесс идет довольно интенсивно, то внизу все, к сожалению, остается без перемен».

Или вот письмо монтажника Коновалова В.Н. из Харькова. «Видно, что Вы много работаете сами. Но надо сделать, чтобы все работали, как Вы. Часто повторяются слова “перестройка”, “ускорение”. Хорошие слова, но... слова. А на деле кто делал брак, тот стал еще быстрее его делать. Из-за равнодушия и лени перестраиваться никто не хочет. Значит, надо научить, дать пример. Но кто даст пример, если наверху сидят такие же равнодушные и ленивые, как и внизу? Вы как-то правильно подметили, что у нас давно разучились руководить и работать по-настоящему. Все по инерции спихивают друг на друга, а крайнего не найдешь. Обращаясь к нам, рабочим, Вы говорите, что если мы поможем, дело пойдет. Но что может рабочий? Ему надо, чтобы была работа и чтобы она правильно оценивалась. Выполнил работу – получи. Выполнил раньше и с хорошим качеством – получи с премией. Не выполнил – не надо платить. Всюду основа – наряд, как бы не называли метод работы. И это всем начальникам известно. Но дело в том, что они не могут дать мне наряд, так как не могут обеспечить меня материалами. А без этого наряд – филькина грамота».

В целом в почте, поступившей в последнее время на мое имя, появляется много писем, авторы которых высказывают крайне негативное суждение о перестройке. Анализ показывает, что зачастую это обостренная реакция на неубывающие очереди в магазинах за некоторыми промышленными и продовольственными товарами, повышение цен на спиртные напитки и мясные продукты. За 9 месяцев этого года в Центральный Комитет поступило 8 тысяч писем по вопросам торговли промышленными и продовольственными товарами и 471 письмо по вопросам ценообразования, что больше, чем за весь прошлый год.

Немало сердитых писем, обращенных ко мне лично. Вот, например, письмо из Ленинграда. «Мне, и не только мне, не нравится то, как Вы ведете внутреннюю политику. Слишком много слов! В каждом городе, куда Вы

приезжаете, Вы говорите хорошие, правильные слова. Приятно слушать, но на деле-то ничего нет! Мы что стали жить лучше, стали работать лучше? Нет. Я вполне понимаю трудности, связанные с Чернобылем, с Афганистаном... Но все равно, так дальше жить нельзя. У Вас может возникнуть мысль, что я злобствую из-за политики борьбы с пьянством. Нет! Обеими руками я – “за”. Но ведь проблема пьянства не решилась, напротив, усугубилась. То же и с Указом о борьбе с нетрудовыми доходами. Сначала схватились хорошо. А сейчас? С кем боремся? С теми, кто своим трудом выращивает овощи и фрукты. Зачем? А до тех, с кем действительно нужно бороться, руки не доходят... Михаил Сергеевич! Я верю в Ваш ум, в Вашу партийную принципиальность, очень прошу: делайте что-нибудь! Не давайте властвовать рвачам и хапугам. Дайте жилье молодым семьям, живущим в общежитиях, уничтожьте очереди в магазинах. Не за вином, нет, за самыми необходимыми вещами и продуктами».

Или вот письмо без подписи из Москвы. «Ваши утопические проекты по спасению России доведут нас до полного разочарования в политике партии. Посмотрите трезво, до чего дошла страна. Кругом процветают коррупция и спекуляция. Это приведет нашу Родину к полной отсталости и преклонению перед капиталистическим образом жизни. Вы говорите “ускорение”, “интенсификация”, но это лишь голые, ничем не обоснованные слова. Великая держава все больше становится похожей на Русь, разоренную Батыем».

Л.В. Першина из города Грозного пишет: «Люди очень Вам верят. Внимательно Вас слушают. Поддерживают Ваши предложения. Так почему же сейчас ходят упорные слухи, что скоро все продукты питания станут дороже? Почему такие разговоры исходят от кого-то по секрету? Какие могут быть секреты от народа? Разве нельзя рассказать открыто, что наценка на продукты питания неизбежна и ее надо пережить? Я думаю, что это лучше услышать от Вас, а не со стороны».

Отдельно скажу о письмах, так сказать, идейно-политического характера. Вот одно из них из Донецка. «Дорогой Михаил Сергеевич, называю

Вас “дорогой”, потому что сегодня, положив руку на сердце, еще отказываюсь верить в то, что изготовление Ваших портретов для демонстрации трудящихся и т. п., а также вынос их на демонстрацию, как это было показано в программе “Время” (трансляция из Донецка), производится с Вашего ведома и одобрения. Называю Вас “дорогой” искренне, потому что мне, как и всем, кого я близко знаю, т. е. людям трудовым, честным, любящим свою Советскую Родину, все связанные с Вашей деятельностью на посту Генерального секретаря ЦК КПСС преобразования бесконечно дороги: Вы слышали, а это надо уметь слышать, истинные голоса трудовых масс, поняли их желания, выражаете их интересы. Так не допустите возрождения нового культа личности, культа Горбачева».

Рабочий из Москвы Сырцов пишет мне: «В своих речах Вы много говорите о Ленине. Приводите всегда уместно и точно высказывания Владимира Ильича. Чувствуется, что делается все это Вами не формально или в силу одной образованности, а от души, от сердца, искренне. Но одна слабость в Вас чувствуется. Об этом и мое письмо. Кое-кто, правда, говорит, что Вы слишком часто выступаете с речами. Я лично с этим совершенно не согласен. И мне, и многим из тех, кого я знаю, а знаю я очень многих, слушать Вас необыкновенно интересно. Вы обладаете даром устанавливать контакт с аудиторией всех уровней. Таким образом, в частоте Ваших выступлений я (и многие из тех, кого я знаю) вижу не Вашу слабость, а, напротив, Вашу силу. Слабость же Ваша состоит в том, что Вы почему-то разрешаете газетам и журналам непрерывно печатать свои фотоизображения. Какое-то историческое лицо резонно подметило, что дураки учатся на своих ошибках, а люди умные – на чужих. Вспомните, Михаил Сергеевич, до чего подобного рода начала политической деятельности довели Хрущева и Брежнева. Поверьте, Михаил Сергеевич, что эти сегодняшние Ваши портреты в газетах и на демонстрации в конце концов, если подхалимов не остановить, на всем горько отзовутся. А Вам же самому “при случае” эти же сегодняшние подхалимы поставят их лыком в строку, первыми же к этому придерутся».

Много замечаний поступает в связи с поездками членов Политбюро на места. Такие письма пришли ко мне и из Ставрополя после моей поездки на Северный Кавказ, и из Приморья. Пришли такие письма и о поездках тт. Лигачева, Воротникова и некоторых других наших товарищей. Вот посмотрите одно письмо из Альметьевска Татарской АССР: «Мне 82-й год. Я видела, как в 1912 или 1913 годах по г. Орлу проезжал царь со всем своим семейством и никто нас не отгонял. Мы спокойно его приветствовали. А когда приехал т. Лигачев в Альметьевск, появилось столько милиции! Людей разгоняли, не подпускали близко к проезжей части дороги. Наверное, милиция была приглашена откуда-нибудь, в нашем городе нет столько милицейских работников. А вот почаще бы приезжали столичные руководители. Хорошо хоть город почистили от хлама и колбасу давали два дня по 1 кг 200 граммов на талон».

В общем, товарищи, интересный обзор писем, хотя чего-либо нового мы из них не почерпнули. Каждый получает немало таких писем.

Ясно, что многих принимаемые партией меры не устраивают. Но люди беспокоятся, чтоб мы не свернули с избранной дороги, шли дальше, убирали с пути тех, кто сопротивляется намеченному курсу. Много в этом плане должен решить предстоящий Пленум Центрального Комитета по кадрам. Но, конечно, нельзя допустить того, к чему призывают некоторые авторы писем: «открыть огонь по штабам». Партия, партийные комитеты на местах были и остаются той основой, которая цементирует все наше общество.

Но в то же время письма, идущие в ЦК, в газеты, говорят о том, что страна действительно пришла в движение, что надо еще решительнее идти вперед, идти настойчиво, спокойно, не проявляя излишних эмоций.

Конечно, меня беспокоят и письма, в которых говорится о том, что раздувается некий культ Горбачева.

СОЛОМЕНЦЕВ. Это, пожалуй, искривление на местах.

ГРОМЫКО. Ведь культ личности Сталина заключался не в количестве его портретов, а в его авторитарных действиях, нарушениях законности, а подхалимы и в Центре, и на местах всегда были.

ГОРБАЧЕВ. Как мы и договорились, наше партийное руководство, наш Центр в такой огромной, многонациональной стране не может выглядеть убогим, ограниченным. Политический авторитет нам нужен, он просто необходим. Но этот авторитет должен достигаться прежде всего политикой, конкретными делами.

ГРОМЫКО. Конечно, к перестройке подстраиваются много всякого рода лодырей, демагогов, а иной раз просто мерзавцев. Из-за них и идут к нам письма. Но в основе своей наше дело здоровое. И если мы верим в свой народ, в ту политику, которую мы избрали, мы не должны бояться ни гласности, ни всякого рода кривотолков в письмах. Тем более что они еще и подогреваются всякими голосами из-за рубежа.

ГОРБАЧЕВ. Да, **борьба идет острая. Мне думается, что мы действительно развернули революционный процесс.** И хотя он идет без стрельбы, его нужно вести с революционной страстностью и последовательностью. И в этом заслуга нашего партийного ядра, того руководства, которое избрал Центральный Комитет.

Все дело в том, что **накопилось так много негативного, что преодолеть его за какой-то короткий отрезок времени просто невозможно. И нам необходимо хотя бы самим себе дать анализ всех этих процессов.** Ведь парализована святая святых – сама партия. Инертна партийная масса, первичные партийные организации. На партийных собраниях часто не затрагиваются самые острые, самые злободневные вопросы, не вскрываются недостатки. Весь разговор начинается за пределами партийных собраний. Этими негативными процессами, как мы убедились, поражены даже армия, Комитет государственной безопасности, оборонная промышленность, внешнеполитические и внешнеторговые ведомства. А возьмите правительство, его аппарат. Бог знает во что он превратился. Здесь пришлось

освободить всех зампредов, большинство министров. Как говорится, один Смиртюков остался для преемственности. *(Смиртюков Михаил Сергеевич – в 1964-1989 годах управляющий делами Совета Министров СССР.)* Практически разваленной оказалась финансовая система страны. С этим нам предстоит очень серьезно заниматься в Политбюро.

Мы должны также проявить понимание того, что **в последние 10-15 лет страна потеряла темп не только в научно-техническом прогрессе, но и в духовной, политической сферах.** И штопанием дыр здесь нам не ограничиться. Так что альтернативы у нас нет. Нужно идти избранным путем.

РЫЖКОВ. Я бы положительно отнесся к тем письмам, о которых сегодня говорил М.С. Горбачев. То, что люди пишут, нам надо расценивать как огромное доверие. Недостатки были и будут. Они будут вызывать жалобы, нарекания, не всегда правильные настроения. Но то, что люди нам доверяют, пишут, обращаются за помощью в Центральны Комитет и Правительство, надо всегда ценить. Главное, что мы сейчас сделали, это сблизили пропаганду с жизнью, насытили наши газеты, радио, телевидение тем, чем живут народ. И он откликается. А это значит, что процесс идет в правильном, здоровом направлении.

Конечно, советские люди ждали, что все будет идти быстрее, что перестройка будет представлять собой более динамичный процесс. И это наш недостаток, что мы вовремя не сказали людям, что перестройка, ускорение – это процесс длительный, трудный, связанный с напряженным трудом каждого. В целом же линия, которую мы проводим, – это единственно возможная линия. Мы выбрали правильную стратегию, хотя в частностях, в решении отдельных конкретных вопросов идем иногда ощупью. И это понятно. Сдвинуть всю массу вопросов сразу просто невозможно.

Михаил Сергеевич прав. Нам досталось чрезвычайно трудное наследство. Ведь и народ, и мы сами видели только верхушку айсберга. И вот теперь, когда мы получили возможность прикоснуться к его основанию, увидеть всю сумму накопившихся безобразий, то мы еще глубже поняли,

какое тяжелое наследство мы получили. Об этом мы должны помнить, тем более что для преодоления негативных процессов нам потребуется, может быть, 10-15 лет. Думаю, что не меньше.

Второе, о чем я хотел сказать, – это то, что мы приняли очень много хороших решений. Эти решения правильные, прогрессивные. Но мы не можем закрывать глаза на то, что на низах они во многих случаях не действуют, не осуществляются. Открытого сопротивления, как я понимаю, не будет. Но это сопротивление есть. Много людей, не желающих перестраиваться, не желающих работать. Много еще людей, просто замаранных в прошлом, которые попытаются перекраситься, но не могут измениться.

Вы, Михаил Сергеевич, задали здесь вопрос в отношении какого-то культа личности. Я считаю, что в принципе все делается у нас правильно. Это очень важно, что народ Вам поверил. Авторитет, партийный авторитет нам сейчас нужен как воздух. Он крайне необходим, потому что наш народ давно перестал верить нашему руководству. Конечно, если есть где-то перекосы, их надо исправлять. Но не перекосы характеризуют сейчас нашу политику. Думаю, что и Ваши выступления по телевидению, на встречах с людьми сейчас необходимы. Такой стиль, когда руководитель прямо обращается к народу, когда члены Политбюро общаются с людьми – это ленинский стиль. Без него сейчас жить невозможно.

ГОРБАЧЕВ. Мне рассказывал недавно секретарь ЦК КПЧ Якеш, что в Чехословакии молодежь первой идет слушать наши телевизионные передачи, что в Берлине, где советские газеты не пользовались особой популярностью, теперь они идут нарасхват.

Но моими речами, конечно, злоупотреблять не надо. Здесь надо поступать взвешенно, продуманно, как говорить, бить в точку.

РЫЖКОВ. Но и уходить от таких выступлений нельзя ни по внутренним, ни по международным вопросам. Это особенно показали, например, ваши пресс-конференции.

ГОРБАЧЕВ. Скажу прямо, это рискованная и трудная работа.

РЫЖКОВ. Надо практиковать встречи с народом, выступления перед нашими людьми по телевидению. Это очень нужно. Доверительный разговор хорошо воспринимается всюду в нашей стране.

С другой стороны, мне кажется, мы должны более взвешенно подходить к некоторым нашим решениям. Возьмите, к примеру, борьбу с нетрудовыми доходами. Здесь был допущен явный перегиб. Удар пришелся не по тем, по кому должен был прийтись. И это потому, что с крупным расхитителем, взяточником, казнокрадом бороться гораздо труднее, чем со старушкой, продающей цветы или овощи. Здесь нам надо гораздо более тщательно взвешивать принимаемые решения.

Или взять борьбу с алкоголем. Я считаю правильными те меры, которые приняты по сокращению производства водки и крепленых вин. Но зачем было принимать поспешные, далеко идущие впереди наших планов меры по сокращению продажи пива, сухого вина, шампанского. И вот мы, сами того не желая, соединили непьющих людей с алкоголиками, получили огромные очереди за сухим вином, за шампанским в оцеплении милиции. Конечно, все мы только приобретаем опыт в крупных социальных решениях. Что-то надо будет поправлять.

Но в целом я со всей убежденностью говорю, что стратегия нами, Политбюро, Центральным Комитетом, всей партией выбрана правильная. Этим путем мы должны идти и дальше.

ЛИГАЧЕВ. Я новый человек в составе Политбюро. Скажу прямо, что еще сам многому учусь, много осмысливаю, осмысливаю заново. Я вижу, как по мере движения вперед растет и наш общий, коллективный опыт. Растет понимание того, что перестройка – это длительный исторический процесс. Усиливается и понимание того, какое тяжелейшее наследство мы получили. Возьмите, к примеру, внешнюю торговлю. Ведь она сейчас у нас практически не отличается от той внешней торговли, которую вела царская Россия, – торговли сырьем и полуфабрикатами. Возьмите сферу обслуживания, материальную базу культуры. На каком низком уровне они находятся.

Конечно, за эти годы сделано очень многое. Но гораздо больше нам осталось сделать среди таких проблем, как заработная плата, доходы малообеспеченных семей, инвалидов, ветеранов, внедрение принципов социальной справедливости.

А возьмите наш государственный аппарат в Центре и на местах. Новый министр культуры Захаров рассказывал мне о том, как он пришел в свое министерство. Он был потрясен, что это просто сонное болото, которое не воспринимает ничего нового. Скажем, мы наметили сейчас крупный эксперимент в управлении театрами. А чиновники Министерства культуры обставили этот эксперимент такими инструкциями, которые на нет сводят все начинания театральной общественности. Вот и получается, что со старым аппаратом – раздутым, бюрократическим, неповоротливым – очень трудно что-либо решить.

ГОРБАЧЕВ. Когда я был на Кубани, мне рассказывали, что многие начинания, сделанные на местах, застряли именно в министерствах и управлениях.

ЛИГАЧЕВ. Да, именно центральный аппарат, его отделы и управления сковывают многие наши начинания, сводят их на нет.

Хочу поделиться некоторыми соображениями по идеологическим вопросам. Каждый из нас сейчас ощущает, что политика партии вызвала большой подъем среди интеллигенции. Мы получили серьезную поддержку со стороны деятелей культуры, писателей, художников, журналистов. Но нельзя не видеть того, что некоторые творческие работники пытаются затянуть нас в решение таких вопросов, возврат к которым не давал бы нам серьезно работать над перестройкой. Скажем, Евтушенко заявляет, что мы должны пересмотреть не только сегодняшний и завтрашний наш день, но и прошлый. К этому же нас тянет и Вознесенский. Я прочитал недавно неопубликованный роман Рыбакова «Дети Арбата». Смысл этой огромной рукописи в 1500 страниц сводится к обличению Сталина и всей нашей предвоенной политики. Сталин изображается здесь обличающим Ленина в ошибках, непозволительно

отзывающимся о русском, грузинском, еврейском народах, в искаженном свете подается версия об убийстве Кирова, смакуется жизнь «золотой» молодежи довоенного периода и, наконец, всемерно нагнетаются все проблемы, связанные с репрессиями периода культа личности. Ясно, что такой роман публиковать нельзя, хотя Рыбаков и грозит передать его за рубеж. Но я хочу разобраться, кто дал разрешение журналу «Дружба народов» печатать сообщение о том, что роман «Дети Арбата» будет публиковаться в этом журнале. Что стоит за таким разрешением? *(Роман «Дети Арбата» был впервые опубликован в 1987 году в 4-6 номерах журнала «Дружба народов»).*

Много шума сейчас поднято вокруг имени поэта Гумилева *(Н.С. Гумилев - поэт Серебряного века, создатель школы акмеизма был расстрелян в 1921 г. по обвинению в участии в антисоветском заговоре)*. По всей видимости, он был неправильно осужден и расстрелян. Но надо ли первому секретарю Союза писателей СССР посвящать Гумилеву огромную развернутую статью, воскрешать все вопросы, которые давно нагнетает антисоветская пресса?

Нельзя не обратить также внимания и на то, что когда мы стали браться за нравственное обновление общества, некоторые наши крупные писатели, такие, как Айтматов, Астафьев, Быков ударились в другую крайность – в религиозность, богоискательство, в доказывание того, что зло всегда преобладало над добром, а добро, как Христос, было беззащитным.

ГРОМЫКО. Они просто ударились в мистику.

ЛИГАЧЕВ. Айтматов завет к Христу, Бондарев зовет к протопопу Аввакуму. Конечно, мы не можем проходить мимо такого рода явлений. Надо работать с писателями. А это народ особый, я бы сказал, народ штучный. И с каждым надо работать по-своему.

ГОРБАЧЕВ. Нам надо делать так, чтобы большинству вопросов литературного творчества оценку произведений давали сами художники, их творческие союзы, а не Комитет государственной безопасности или Центральный Комитет партии.

ЛИГАЧЕВ. В связи с этим мы сейчас работаем над проектом постановления ЦК об ответственности редакционных коллегий наших толстых и других журналов за те материалы, которые в них помещаются. Цель заключается в том, чтобы сами писатели, сами художники, скульпторы, деятели театров были взыскательнее друг к другу.

ГОРБАЧЕВ. Это надо делать исключительно через творческие союзы.

Запад сейчас обвиняет нас в том, что мы не заняли четкой позиции в художественной литературе, что у нас, мол, нет таких решений, какими были решения ЦК по журналам «Звезда» и «Ленинград». *(Постановление «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“ было принято оргбюро ЦК ВКП(б) 14 августа 1946 года. Во вступительной части Постановления указывалось на недопустимость публиковать «таких пошляков и подонков литературы, как Зощенко и Ахматова»)* В общем, нас провоцируют на то, чтобы мы влезли в спор с художественной интеллигенцией, чтобы ЦК диктовал, какое произведение удачно, а какое нет. Мы на эту провокацию не пойдем. Надо, чтобы оценка художественного творчества шла от самих художников, делалась через них под руководством партии, под ее контролем.

Проще всего было бы сейчас нам вернуться к оценке истории наших ошибок, упущений, начать говорить о том, что было при культе личности Сталина, какие ошибки совершили Хрущев или Брежнев. Но я думаю, если мы сейчас обернемся назад, сосредоточим свою энергию на этом анализе, то мы тем самым ударим по перестройке и ее задачам. Нам нужно прежде всего смотреть вперед, а не назад. Если все затеять, как это было на XX съезде партии, начать самим себя разоблачать, уличать в ошибках, то это был бы самый дорогой и самый желанный подарок нашему врагу. А мы сами погрязли бы в работе, которая препятствует движению вперед. Возьмите, например, такого писателя, как Можаяев *(Б.А. Можаяев. Самое известное произведение писателя — роман «Мужики и бабы» вышло в 1976 году)* Он требует, чтобы мы издали продолжение его романа «Мужики и бабы». А в этом романе практически под сомнение ставится все, что было сделано в период

индустриализации и коллективизации. По Можаяву выходит, что и кулака-то у нас не было. А мы теперь знаем, что если бы не было коллективизации и индустриализации, то не было бы сейчас и нас, страну просто раздавил бы фашистский сапог.

Конечно, от каких-то оценок прошлого мы уйти не можем. Но нельзя идти вперед, все время оглядываясь назад.

Хочу сказать и о том, что в ЦК приходят и маститые художники. Они заявляют: что же вы о нас забыли? Ведь мы действовали в интересах партии, выполняли ее социальный заказ. Тут тоже немалый процент демагогии. И нам надо работать со всеми поколениями художников, творческой интеллигенции – и старыми, и средними, и молодыми.

Мне кажется, что прав Е.К. Лигачев, когда говорит о том, что самые тяжелые вещи произошли у нас именно в области нравственной, в области оскудения партийного, морально-нравственного климата. Тут партии придется еще потерь и потеть, работать и работать, учитывая то, что львиную долю своих усилий мы тратили – да еще и будем тратить – на развитие хозяйства, на экономические вопросы. (Это и понятно, поскольку кроме партийного аппарата другого механизма воздействия на экономику у нас не было.) И все же все больше и больше мы теперь должны ориентироваться на политическую работу, на подбор и расстановку кадров, повышение их ответственности, на оздоровление нравственного климата, в котором живет советское общество.

ЛИГАЧЕВ. Высказывая свои замечания, я, конечно, не сбрасываю со счетов того, что за короткий промежуток времени мы сделали очень много, хотя пока и мало что дали народу. И все же главное завоевано. Партия приобрела огромный политический авторитет. Надо его укреплять, надо постоянно работать для проведения намеченной линии.

СОЛОМЕНЦЕВ. Интересный вопрос Вы сегодня подняли, Михаил Сергеевич. То, что в ЦК и в газеты пришло так много писем, это дело положительное. Немало писем подобного рода идет и к нам в КПК (*Комитет*

партийного контроля при ЦК КПСС). Хорошо, что люди стали говорить свободнее, резче критиковать недостатки. Нельзя отрицать и того, что определенные положительные сдвиги происходят не только в Центре, но и на местах. Мне приходилось разговаривать с людьми, приезжающими с мест, и каждый раз они говорят, что положительные процессы, хотя и не так быстро, как хотелось бы, но идут. Однако в повседневной пропаганде мы, пожалуй, кое-где забежали вперед. **Плохо объясняем людям, что перестройка – это процесс длительный, процесс трудный, сопряженный с большой, я бы сказал, огромной работой.**

Это касается не только нас – руководителей, руководящих работников на местах, это в значительной мере касается и самого рабочего человека, стоящего у станка, управляющего трактором или комбайном. Ведь это факт, что часто на заводах не делается то, что предписано всеми технологиями, правилами, всеми инструкциями, что зависит от каждого. Нет обыкновенной совестливости за результаты своего труда. Вот эта совестливость, исконно присущая русскому рабочему человеку, восстанавливается очень плохо.

Если судить по письмам, поступающим сейчас в КПК при ЦК КПСС, то писем о злоупотреблениях руководителей на местах стало идти значительно меньше. Вообще к письмам с мест надо подходить вдумчиво и не драматизировать их. Ведь тех, кто пишет, вообще-то, капля в море. Да и со снабжением у нас стало лучше. Правда, в сентябре-октябре в ряде мест появились трудности с мясом. Наверное, кое-где мясо приберегают к Октябрьскому празднику. Но ведь нельзя не учитывать, что никогда столько людей у нас не питалось на предприятиях общественного питания. У меня есть данные, что на заводах люди приходят в столовую не только в обед, но и в завтрак и в ужин.

ГОРБАЧЕВ. Да, но за пределами общественного питания остаются еще старики, инвалиды, дети.

СОЛОМЕНЦЕВ. Мы начали осуществлять революционный процесс и в экономике, и в науке, и в духовной сфере. Я думаю, в такой период

отмалчиваться нашим руководителям нельзя. Поэтому Ваши выступления, Михаил Сергеевич, воспринимаются народом хорошо и в большинстве своем правильно. Да и портреты Ваши появляются на демонстрациях прежде всего из хороших побуждений.

ГОРБАЧЕВ. Во всем этом надо знать меру: и в портретах, и в словословиях, и в выступлениях.

СОЛОМЕНЦЕВ. Вы вспомните, сколько Ленину приходилось выступать перед народом, разъясняя революционную политику партии.

ГОРБАЧЕВ. Вот из этого я, главным образом исхожу, памятуя о том, что Владимир Ильич иногда по несколько раз в день выступал перед рабочими, доказывая необходимость укрепления союза пролетариата и крестьянства, раскрывая характер нэпа, задачи борьбы с контрреволюцией. **Это главное – сказать всю правду прежде всего своему народу, нашим людям.**

СОЛОМЕНЦЕВ. Да и люди говорят, что обстановка стала лучше, чище, свободнее. Хорошо, что поднимается роль Советов, профсоюзов, комсомола, общественных организаций.

ГОРБАЧЕВ. Думаю, что пока эта роль находится еще на лозунговой стадии. И больше приходится брать на себя Центральному Комитету партии, партийным органам на местах. Здесь еще непочатый край работы.

СОЛОМЕНЦЕВ. Вообще надо продолжать линию на повышение роли нашей общественности, особенно в области контроля.

Что касается писателей, то с ними, конечно, надо работать умело. Все они далеко не простые люди – эти Евтушенко, Быков, Вознесенский, Айтматов. Но это же наши советские люди, они исходят в принципе из правильных позиций. Пусть с ними больше работают творческие союзы.

Что же касается нашей общей линии, то она, с моей точки зрения, совершенно обоснованная и правильная.

ГОРБАЧЕВ. Дело в том, что **после апрельского Пленума мы сами, каждый из нас учимся решать все более сложные вопросы. Думаю, что сразу после апрельского Пленума такое обсуждение, которое идет на**

сегодняшнем заседании Политбюро, было бы просто невозможно. Каждый из нас стал и зрелее, и опытнее, и в какой-то степени осторожнее в оценках, последовательнее.

СОЛОМЕНЦЕВ. Вот эту линию и надо продолжать и развивать.

ЧЕБРИКОВ. Тема сегодняшнего заседания Политбюро такая, что она границ не имеет. Поэтому я остановлюсь лишь на некоторых проблемах. Во-первых, о нашей общей линии. Уверен, что та линия, которую избрало Политбюро, совершенно правильная и научно обоснованная. Да я и не слышал каких-либо серьезных альтернативных предложений, которые бы требовали изменения этой линии. Конечно, и нам самим, и всем советским людям хочется, чтобы все шло побыстрее, чтобы поскорее чувствовались результаты. Но так не бывает. Не все идет просто и гладко. Возьмем такой вопрос, как говорится, из жизни. Образовались большие очереди за водкой. Кое-где количество таких очередей может перерасти в качество. Становится пенсионер в очередь ранним утром, потом продает эту очередь за 5 рублей. Тот, кто становится на его место, покупает десять бутылок водки и потом каждую продает за 20 рублей. Разве это порядок? Конечно, в очередях идут разные разговоры и, главным образом, ругают, естественно, Вас, Михаил Сергеевич. Да еще в присутствии оцепления милиции. Спрашивается, почему мы не должны потребовать от секретарей райкомов, горкомов партии, чтобы они разобрались в том, что за люди стоят в очереди, где они работают. А тут получается так, что все смирились с очередями. Ведь нельзя же исключать, что в один прекрасный день люди из такой очереди разгромят магазин, пойдут на милицию, разорят горком партии. Словом, есть источник возбуждения, а мы с ним не боремся. Так, я думаю, быть не должно.

Второй вопрос. Н.И. Рыжков говорил здесь о том, как он по крохам собирает валюту для закупок по импорту. Мы действительно экономим здесь на каждом грамме золота. Но вот в Комитете государственной безопасности мы недавно получили данные о том, что часть наших ювелирных изделий, которые выпускаются соответствующими заводами Минприбора, может

купить только взяточник, казнокрад. (Они стоят 10-15 тысяч рублей). И все равно на заводе продолжают выпускать эти изделия, которые за отсутствием сбыта потом ложатся мертвым грузом в Гохран Министерства финансов. Или, возьмите, скупочные магазины, которые находятся в системе Минторга. Они плохо скупают золото, серебро и другие вещи. Мы получаем немало алмазов и торгуем ими на внешнем рынке. Но ведь алмаз в сотню раз дешевле бриллианта. Почему мы не можем сами гранить наши алмазы, делать их бриллиантами и продавать на внешнем рынке? Получается, что у нас под ногами богатство, которое мы топчем, и всему мешают привычки.

Третье. У нас на глазах идет демократизация общества. Это хороший, добрый нужный процесс. Он сказывается и в том, что за последний год мы привлекли к уголовной ответственности просто единицы людей, занимающихся государственной деятельностью. Главную, трудную проблему составляют для нас люди с нарушенной психикой. Именно они занимаются расклеиванием листовок, собиранием и рассылкой всякого рода антисоветских фальшивок. Здоровые люди, как правило, на это не идут. Ведь в Москве перед праздниками приходится изолировать в больнице около трех тысяч душевнобольных. Это не враги. Но они представляют определенную опасность, с ними надо гораздо лучше работать. Ведь дело дошло до того, что один ленинградский психический больной напал с топором на профессора Капицу, который ведет по телевидению передачу «Очевидное – невероятное». Больному просто показалось, что это антисоветски настроенный человек.

ГОРБАЧЕВ. Причем эти психически неуравновешенные люди поднимаются всегда, когда идет процесс демократизации, когда проводятся массовые мероприятия.

ЧЕБРИКОВ. Что касается писем о культе личности, то я думаю, что здесь большинство людей пишет в Центральный Комитет прежде всего в целях профилактики. Они боятся повторения репрессий. Хуже обстоит дело с тем, что наши толстые журналы стали буквально соревноваться, кто, если можно так сказать, лучше «плюнет» в Советскую власть. Влияние творческих

союзов на эти журналы пока что слабое. А молодые писатели присматриваются к старшим, улавливают, что можно писать для публикации, а что опубликовано не будет. Причем многие писатели стараются сейчас, как они сами говорят, рассчитаться с Советской властью за беды своих родителей. Покойный Юрий Трифонов заявлял, что он никогда не простит советским людям репрессий, примененных к его реабилитированному отцу. Евгений Евтушенко мстит нам за двух своих репрессированных дедов. Кое-кто сейчас стал предлагать опубликовать неизданные произведения Твардовского в защиту кулачества. Он, как вы знаете, был, видимо, сыном кулака. Так что в литературе немало лиц, которые пытались и будут пытаться использовать творческие организации и журналы в своих личных целях.

ГОРБАЧЕВ. О самых трудных вещах можно писать с оптимистических позиций. Если, например, вчитаться в произведения Василя Быкова, особенно в его «Знак беды» – роман, отмеченный Ленинской премией, то мы увидим, что Быков здесь иногда замахивается и на революцию, и на коллективизацию. А в кинофильме по этому роману кое-кто даже попытался сравнивать коллективизацию с действиями фашистов. Вот почему нам следует активно работать с деятелями искусства, поправлять их, если надо. **Мне довелось недавно беседовать с руководителем Союза кинематографистов Элемом Климовым. Я ему сказал: нам в искусстве нужна правда, но полная правда, а не полуправда. Надо показывать деревню такой, какой она есть на самом деле, а не такой, какой она иногда встречается еще в средней полосе России.** Надо почаще возить деятелей искусства в колхозы, совхозы, на производство так, как это сделали, например, на Ставрополье с коллективом театра имени Моссовета. Они вернулись из колхоза буквально ошарашенные и окрыленные.

ЧЕБРИКОВ. Я не за то, чтобы писались оды в честь прошлого или настоящего, но если мы выпустим из-под контроля литературный процесс, то получится, что за 70 лет Советской власти у нас не было ни одного светлого дня».

ГОРБАЧЕВ. Видимо, и к пересмотру учебников по нашей истории надо подойти с таких же спокойных, взвешенных позиций.

ЧЕБРИКОВ. Сейчас по телевидению есть одна очень популярная передача – «Двенадцатый этаж». В ней идет перепалка между молодежью и старшими поколениями. Причем, как правило, старшее поколение выглядит довольно бледно, не может дать соответствующего отпора вызывающе ведущим себя молодым интеллектуалам. Таким вещам надо давать отпор.

РЫЖКОВ. На мой взгляд, это опасная передача.

ЧЕБРИКОВ. Таким вещам надо давать отпор.

ГОРБАЧЕВ. Зачем нам предоставлять трибуну всякой падали? А уж если предоставлять ей трибуну, то надо подобрать таких людей, которые могут отвечать на любые вопросы с наших советских, партийных позиций.

ЧЕБРИКОВ. И здесь исключительно важно воспитание патриотизма, уважения к советским символам – нашему флагу и гербу. Их надо внедрять и защищать.

ГОРБАЧЕВ. Здесь нужна хорошо взвешенная порция, если можно так сказать, советского шовинизма. Хотя мы не можем не учитывать, что плохое качество наших товаров, завоз всякого импортного барахла нанесли нам в этом деле очень большой урон. Так что тема патриотизма должна подтверждаться прежде всего делом.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Мне кажется, очень хорошо, что мы сегодня без повестки обсуждаем такой широкий круг вопросов. Среди них я затрону лишь несколько.

То, что мы идем по правильному пути, не вызывает никаких сомнений. Это не вызывает сомнений даже у самых больших скептиков. Стратегия у нас верная и ей надо следовать.

Я бы не упрощал вопрос о письмах, которые поступают в Центральный Комитет партии, в редакции наших газет, на радио и телевидение. Это действительно тревожные письма. Иногда пытаются говорить, что у народа-де много денег на руках, и отсюда возникает дефицит, злоупотребления и т. д.

Уверен, что это не так. Большинство людей считают каждый рубль, каждую копейку. Поэтому нам с осторожностью надо подходить к политике цен. Поэтому каждой поликлиникой, рынком, магазином, ателье бытового обслуживания надо повседневно заниматься. От недостатков в этой сфере часто идет оценка человеком всей нашей политики, всей перестройки. И когда нет хлеба, товаров повседневного спроса, когда люди не могут купить совершенно необходимых овощей и фруктов, молока, надо спрашивать с руководителей и спрашивать со всей строгостью. Так что ускорение нужно везде, в том числе и в работе наших руководящих кадров. Здесь на первый план надо выдвинуть справедливость в распределении. Я вообще не знаю, кто у нас отвечает за торговлю в стране. Ведь когда-то было так, что определенный член Политбюро нес всю ответственность за организацию торговли в Союзе в целом и в республиках. Я уверен, что любые самые хорошие идеи можно загубить, если не навести должного порядка в обслуживании людей, в снабжении их самым необходимым.

Очень наболел вопрос о нашей денежной системе, о финансовом механизме. Все ли мы здесь знаем? О всем ли может судить квалифицированно каждый член Политбюро? Ведь финансы – это зеркало, в котором отражается вся жизнь общества. Можем ли мы судить трезво и ясно, на что мы способны, что мы можем себе позволить, какой груз можем взять на себя? Можем ли мы, к слову сказать, тащить такой невероятный груз по укреплению обороны страны, где мы обычно денег не считаем? Мне кажется, что обстановка в этой сфере более чем тревожная.

Я присоединяюсь к тем товарищам, которые считают, что драматизировать положение дел с демократизацией и нравственным обновлением нашего общества не следует. Надо работать с каждым человеком и особенно – с каждым художником. Это правильно, что Евтушенко и Вознесенский – это не безнадежные люди. Я их хорошо знаю. Они исходят из самых добрых побуждений. Конечно, процесс демократизации порождает и будет порождать определенные проблемы. Самоуправление, о котором мы

говорим, будет нести с собой не только развитие инициативы, но и ряд противоречий, трудностей, неувязок. Всем надо серьезно думать об этих вещах.

ГОРБАЧЕВ. А вообще поменьше надо ахать, говорить: ах, этого не было, с этим мы не сталкивались и не знаем, как это решать. Такой подход связан не с политической, а с обывательской психологией. **На все явления жизни, на все ее противоречия мы должны реагировать прежде всего политически и не доводить творческие или демократические дела до запретов.** Надо умело направлять это дело, работать с литераторами, общественностью, а не запрещать и не закрывать те или иные журналы, общественные объединения и т. д.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Мне кажется, особенно упорно надо драться за то поколение, которое не было свидетелем культа личности. За это поколение, которое сейчас вошло в пору зрелости, мы должны бороться всеми силами.

Отдельно хочу сказать об аппарате управления. Во многих звеньях этого аппарата практически нет серьезных перемен. Недавно мне довелось разговаривать с заместителем Генерального прокурора, отвечающим за общий надзор. Прокуратура проверила выполнение новых директив партии и правительства и оказалось, что очень многие из них практически остаются невыполненными, саботируются аппаратом. Поэтому я думаю, что работа партии по совершенствованию аппарата управления сейчас выходит на первый план. Ей должно быть уделено приоритетное внимание.

Здесь задавался вопрос: надо ли так часто выступать Генеральному секретарю ЦК КПСС? Мне кажется, что в современных условиях без этих выступлений нельзя выиграть борьбу на международный арене и не только на международной арене, а и борьбу за массы советских людей. Ведь сейчас общественное мнение формируется буквально в течение одного дня, нескольких часов. И когда Генеральный секретарь ЦК КПСС уже через полчаса после окончания переговоров в Рейкьявике выходит для беседы с журналистами уверенный, спокойный, оптимистичный, это задает тон

настроениям не только в нашем народе, во всем мире. И это наше преимущество, что у нас во главе партии стоит человек, который может выступать, может говорить с людьми без бумаги, без подсказки. И мы этим преимуществом обязаны пользоваться самым активным образом. Иначе быть не может.

В принципе курс, который взяла партия, правильный курс. Он правилен внутри страны, он абсолютно правилен на международной арене. Нет сомнения, что Рейкьявик стал в осуществлении этого курса этапным событием. После выступления М.С. Горбачева на пресс-конференции по телевидению Рейган буквально бежит по всем штатам, чтобы хоть как-то изменить общественное мнение. И ничего не может сделать. Поэтому я выступаю за то, чтобы наше преимущество использовать еще активнее, еще настойчивее. Этого требуют задачи сегодняшнего дня.

Я бы хотел поблагодарить Михаила Сергеевича за поднятый сегодня разговор. Может быть, хотя бы один раз в год нам вот так надо откровенно, по-товарищески, коллективно обсуждать все проблемы, с которыми сталкиваются партия, общество. Лично я не помню в прошлом ни одного такого разговора. Может быть, А.А. Громыко помнит, но я не помню. А разговор такой, товарищи, нужен. Он – основа выработки коллективной воли нашей партии.

ГОРБАЧЕВ. Что может сказать Анатолий Федорович Добрынин?

ДОБРЫНИН. Я совсем молодой секретарь и работник Центрального Комитета партии, хотя 25 лет проработал за рубежом, выполняя задания Центрального Комитета. Скажу прямо, что сегодняшняя беседа произвела на меня колоссальное впечатление своей откровенностью, открытостью, принципиальностью. Конечно, письма, о которых здесь говорил М.С. Горбачев, отражают настроение людей, их отношение к внутренней и внешней политике страны. Что касается внешней политики, то Михаил Сергеевич за последнее время сделал здесь, можно без преувеличения сказать, целый прорыв. Я вспоминаю, каким встревоженным он шел на пресс-

конференцию в Рейкьявике. Сколько было здесь возможностей сорваться, резко обрушиться на лживую позицию Рейгана. Однако мы все увидели, как Михаил Сергеевич сосредоточился, сориентировался на зал и повел спокойную беседу, которая, собственно, и стала лейтмотивом оценки Рейкьявика на долгое время и от которой не смогли уйти стратеги американской внешне политики. Таким образом, я убежден, что выступления Михаила Сергеевича по вопросам международной политики имеют огромное значение. Это значение никак нельзя умалять. В то же время, видимо, надо было бы уделять больше внимания подобным выступлениям и по вопросам внутренней политики, когда Генеральный секретарь ЦК КПСС непосредственно обращался бы к советским людям.

ГОРБАЧЕВ. И не только во время поездок по разным областям и республикам.

ДОБРЫНИН. Время от времени просто необходимо выступать по вопросам внутренней политики, убеждая и мобилизуя советских людей. Это, может быть, самое главное.

ГОРБАЧЕВ. Причем, выступать не только Генеральному секретарю ЦК, но и другим членам Политбюро.

ДОБРЫНИН. Ведь можно просто многие вещи рассказать нашим людям. Скажем, прямо проинформировать их о том, что вся прибавка мяса, которую мы получили за последний год, ушла на покрытие того дефицита, который получился из-за отсутствия у нас валютных возможностей. Такого рода факты можно и нужно доводить до советских людей, и они это, я уверен, хорошо поймут.

ГОРБАЧЕВ. Поймут и потребуют выгнать со своих постов тех, кто не выполняет директивы ЦК, постановления Политбюро. Мне о таких фактах недавно говорили секретари обкомов во время встречи в Центральном Комитете. А вообще таких фактов гораздо больше.

ДОБРЫНИН. Вот и нужен прямой разговор. Ведь это же неоспоримо, что за последнюю четверть века у нас не было главы государства, который мог

бы непосредственно выступать перед миллионами телезрителей, доводить до сведения западных стран, их населения суть и смысл нашей перестройки.

ГРОМЫКО. Я хочу добавить несколько слов. Скажу честно, что никогда еще в Политбюро с такой полнотой не обсуждались важнейшие вопросы нашей жизни. Михаил Сергеевич внес в это дело большой интеллектуальный заряд. И это исключительно важно.

Прежде всего коснусь идеологической работы, которая должна в полной мере соответствовать нашим политическим и экономическим задачам. Здесь нельзя ни в коем случае даже на отдельных участках пускать дело на самотек. Ведь надо помнить, что даже в идеологических вопросах нет более высокого судьи, чем партия, Центральный Комитет, его Политбюро. Ясно, что милицейские методы здесь не годятся. Нужно действовать прежде всего силой убеждения и разъяснения.

Но все же нельзя проходить мимо того, что у нас не перевелись люди, которые хотят, чтобы мы вернулись к переоценке прошлого, снова поставили бы под вопрос Сталина, индустриализацию, коллективизацию. Это просто недопустимо.

Добавлю еще, что некоторые писатели даже пытаются смаковать репрессии, всякого рода безобразия и т. д. Был, например, такой казус с Фурцевой (*Е. А. Фурцева - Министр культуры СССР в 1960—1974 гг.*), когда она пыталась в состоянии нервного потрясения вскрыть себе вены. Так даже над этим фактом решил поиздеваться в своей поэме Евтушенко, а заодно и бросить тень на всю нашу политику, на всю когорту большевиков, проводивших, бесспорно, огромную работу в то время. Я согласен, что, видимо, жестковато поступили в свое время с Ахматовой, Цветаевой, Мандельштамом, но нельзя же, как это делается теперь, превращать их в иконы.

Ленин вообще умел работать с интеллигенцией и нам надо у него учиться. Можно напомнить, как, например, мудро Ленин учил Горького,

доказывая ему, что мы не можем быть добренькими. И мы, конечно, не можем быть добренькими. Тут сомневаться нечего.

У меня был такой случай в Вашингтоне давно, где-то в конце войны, когда наши войска были уже под Берлином. Во время приема в нашем посольстве ко мне подошел человек и сказал, что он Питирим Сорокин. Как известно, этот Питирим Сорокин – известный философ – был начальником секретариата в правительстве Керенского, заядлым контрреволюционером, который был приговорен советским судом к смертной казни. Но Ленин, как мне заявил Сорокин, его помиловал. Значит, Владимир Ильич умел гибко работать с интеллигенцией. Так и должен работать наш Центральный Комитет. И здесь мы несем большую ответственность перед народом и перед историей.

Видимо, члены Политбюро недавно читали разосланный нам документ, в котором т. Никонов предлагает реабилитировать русских буржуазных экономистов А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, А.Н. Челинцева и Н.П. Макарова. Разве можно это делать? Это были махровые защитники кулачества. Против которых выступал Ленин. Хотя они утверждали, что их идеи использовались при разработке нашего кооперативного плана. Мне самому, когда я преподавал политэкономию, приходилось разоблачать этих горе-теоретиков, выступавших главным образом под флагом защиты кулачества и свободного хуторского хозяйства. А теперь нам предлагают, видите ли, реабилитировать этих буржуазных лжеученых. Естественно, на это идти нельзя. И вообще в решении таких вопросов мы должны быть предельно осторожны и сдержанны. Надо уметь правильно оценивать прошлое.

ГОРБАЧЕВ. Да. В этом, видимо, следует поосновательнее разобраться.

Мне бы не хотелось здесь делать обширное заключение. Вы сами видите, во что вылился этот наш очень доверительный и откровенный разговор. Речь пошла в целом о деятельности ЦК КПСС, Политбюро, о нашем курсе, о позициях по многим и многим актуальным вопросам. **Главное состоит в том, чтобы у нас не было расхождений в оценке значения основной стратегии,**

которую мы предложили нашему народу. Мы еще глубже стали понимать, что это не импровизация и не озарение. Это обдуманная, научно-обоснованная позиция партии, ее стратегическая линия. Никакой убедительной альтернативы этому курсу мы не видели и не видим. Причем, ясно, что речь идет не о косметике. Курс на перестройку затрагивает сами основы жизни общества, наиболее злободневные проблемы сегодняшнего и завтрашнего дня, глобальные вопросы внутренней и внешней политики.

Конечно, нелегкое это дело. Иной раз, буквально падая, от напряжения и усталости, думаешь: зачем я взялся за все это. А потом стряхнешь с себя усталость, оглянешься и еще раз убедишься в том, что мы идем по правильному пути. **Не знаю, насколько нам хватит сил. Но я вижу свой личный партийный и гражданский долг в том, чтобы вести это дело до конца. Других личных целей у меня нет.** И очень хорошо, что мы по всем главным отправным моментам единомышленники. Поэтому, товарищи, мы должны очень тщательно следить за тем, как проводится этот курс, за всеми движениями в социальной жизни общества, за настроениями людей, добиваться правильного, заботливого решения каждого вопроса, который связан с обслуживанием советского человека. По сути своей это вопросы не мелкие и не частные. Они только такими кажутся. На деле это вопросы политического свойства. А значит, за ними нужно следить тщательнейшим образом, контролировать особенно строго. Ведь в своей массе наш народ живет далеко неизбалованно, весьма скромно. Да, мы решили главные вопросы социального положения человека. Дали ему право на труд, на образование, на жилище, на охрану здоровья (хотя здесь предстоит еще очень многое сделать), на обеспечение самого существенного – возможности жить в мире. Это то главное, что мы дали нашим людям. Но все же качество жизни населения нашей страны серьезно отстает.

Новые задачи, задачи ускорения и перестройки еще больше обострили все эти вопросы, создали немало сложных проблем, требующих усиления

идеологической работы. В целом эту работу надо теперь основательно перестроить. Но цели ее совпадали и совпадают с главной нашей позицией. Это позиция повсеместного укрепления социализма, проведения в жизнь его основополагающих принципов.

Правда, попадают у нас в этом деле закомплексованные личности. Загнали экономику, капитальные вложения – об этом можно говорить. Провалили снабжение людей необходимыми товарами – вполне можно писать и делать заявления в газетах, а вот в идеологии такие деятели не допускают даже намека на новое слово, на какой-то сдвиг. Думаю, что с такими горе-теоретиками от марксизма нам еще придется столкнуться и не раз. И тут главная забота – усиление влияния партии на всю сферу идеологии. Кроме партии здесь никто ничего сделать не может. Поэтому **надо самым активным образом работать с интеллигенцией, внимательно слушать деятелей культуры, умело, чутко и осторожно направлять их творчество.** Это, конечно, как выразился здесь Егор Кузьмич, народ «штучный». Может быть, это и не совсем удачное выражение, но индивидуальный подход к каждому художнику совершенно необходим. Я уже говорил здесь о моей беседе с Элемом Климовым, известным нашим кинорежиссером. Я ему еще и еще раз сказал, что нам нужна полная правда, а не полуправда. Точно также **нам нужна правда не только сегодняшнего и завтрашнего дня, а правда в ретроспективе, правильная оценка прошлого нашей страны.** И в этой связи очень важные задачи стоят перед предстоящим Пленумом Центрального Комитета партии по кадрам. На Пленуме надо будет обязательно сказать, где мы находимся, сдержанно и взвешенно оценить то, что произошло с нашими кадрами и что нам предстоит сделать.

В целом, товарищи, я очень удовлетворен сегодняшней беседой. Она свидетельствует о том, что каждый из нас непрерывно учится политически, чтобы укреплять нашу коллективную волю, коллективный поиск и коллективные действия. Этому нас и учил Ленин.

В целом же, видимо, можно было бы принять в связи с письмами, поступающими в ЦК КПСС и в центральные газеты, постановление, в котором дать оценку этим письмам, определить задачи местных органов, а также поручить Совету Министров СССР провести соответствующую работу по улучшению снабжения трудящихся необходимыми продовольственными и промышленными товарами.

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Правильно.

Постановление принимается.

Архив Президента РФ. Фонд № 3. Опись № 120. Дело № 68. Лл. 248-277.

В сокращении опубликовано в Собрании сочинений М.С. Горбачева. Т. 5. С. 129-142. и в книге «В Политбюро ЦК КПСС...» С. 91-98.